

Михаил Нестеров

На один выстрел больше

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=594065
Михаил Нестеров. На один выстрел больше: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-35379-8

Аннотация

Лучший киллер новоорлеанского мафиозного клана Альваро Сантос уже давно хотел уйти из семьи и начать свободную жизнь. Но это не так просто – у «крестного отца» крепкая хватка. И вот, улучив момент, Сантос бежит на пиратский остров в Аравийском море, который контролируют исламисты. Однако за ним тотчас снаряжается погоня. Сантос пытается затеряться в море, но терпит неудачу и гибнет от пуль мафиози... О происшедшем узнает военная разведка России. В ГРУ выясняют, что на острове, куда так стремился Сантос и где никто не знает его в лицо, часто появляется знаменитый террорист Лидинилла. Уникальный шанс ликвидировать исламиста! Надо только сделать так, чтобы Сантос «ожил» – в лице нашего разведчика...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Нестеров

На один выстрел больше

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

В книге использованы фрагменты статей и обзоров в Интернете, в частности энциклопедии Wikipedia.

Часть I

Глава 1

Черный посыльный

Новый Орлеан, штат Луизиана, США

...Карло Гальяно после вчерашнего застолья, организованного в его честь, выглядел помятым и усталым. Он с трудом дождался одиннадцати и выпил первую в этот день порцию виски. Но крепкий напиток не принес ему облегчения – лишь обжег гортань и вызвал позыв к рвоте. Гальяно стошнило прямо на ковер, на котором стояло его любимое кресло, а сам он держался одной рукой за его высоченную спинку.

Через минуту в гостиную вбежала горничная-мексиканка и, опустившись на колени, стала убирать рвоту. Гальяно выругался, глядя на нее сверху вниз:

– Уродка! Унеси ковер куда-нибудь и вычисти его там!

Подоспевший Винсент Трователло, Подкидыш, буквально потушил пожар: увел босса с ковра, дав горничной скатать его и унести, и налил ему вермута «Чинзано Россо».

Гальяно скривился:

– Как же воняет эта полынная дрянь!

– Пейте, босс. Это настоящее лекарство для желудка. И закусите вот этим сыром.

Гальяно последовал совету Подкидыша и уже через минуту смотрел на него с благодарностью.

– Позови Сантоса. Мне нужно побеседовать с ним с глазу на глаз.

Гальяно выглядел старше своих почти что семидесяти лет, однако в груди его билось здоровое еще сердце. За всю свою долгую жизнь он не выкурил ни одной сигареты. Больше того: никто не выкурил ни одной сигареты в его присутствии. Порой его беспокоили коленные суставы и желудок, но, как и сегодня, рядом всегда оказывался достойный лекарь.

Он встречал своего посыльного, сидя в любимом кресле, представляя собой карикатуру на короля: в одной руке – бокал с вином, в другой – бутылка; скипетр и держава.

– Звали, босс?

– Звал. Подойди.

Альваро Сантос подошел ближе, бросил взгляд на каминную полку, заставленную фотографиями, что не укрылось от пронизательного Гальяно. Он сам приложил руку к тому, чтобы его семейный посыльный жил ролью в долгом сериале под названием... пусть будет «Жизнь без лица». Он не боялся накаркать, представив почти невероятное: в дом вламываются агенты ФБР и арестовывают всех, включая самого Гальяно, и, предъявив последнему обвинения в том, что сегодня он надругался над старым ковром, везут его в участок. А Альваро Сантоса они отпускают. Потому что он обознался дверью, и зовут его Анджело Росси. Вот и паспорт, подлинность которого не вызовет сомнений даже у судебного эксперта.

– Один наш родственник повел себя дурно, – приступил к делу Гальяно, наливая себе еще вермута. – Поддай-ка мне сыру. Да, на том блюде. – Он принял от Сантоса кусочек сыра на шпажке. Это был его стиль: обозначить тему разговора и сменить ее. Но только за тем, чтобы сделать на ней неожиданный акцент. – Сыр и вино прекрасно сочетаются.

– С этим не поспоришь, – был вынужден заполнить вопрошающую паузу Сантос.

– Вот этот сыр старый и жирный, он полезен для моего желудка. Как полезен для него и вермут. Кислый и острый сыр убьет меня быстрее пули. О сочетании вин и сыров тебе лучше расскажет твой друг – Винни Подкидыш.

Сантос и бровью не повел, задавшись вопросом: «Это он, что ли, повел себя дурно?»

Он был одет в темный костюм, галстук – броского желтого цвета, волосы зачесаны назад и, казалось, зафиксированы лаком.

Гальяно тем временем продолжал:

– Это вино и этот козий сыр – они из одного места. Они сохранили аромат Тирренского моря...

«Боже, – думал Сантос, закатив глаза и опустив при этом голову, чтобы босс не заметил этого презрительного жеста. – Боже, неужели каждый раз, когда боссу нужно было убрать кого-то со своего пути, я терпел этот бред?»

– Один из наших близких родственников пограл нравственные принципы нашей семьи.

«Вот это что-то конкретное».

– Убьешь его.

«И это знакомо».

– Я хочу, чтобы он смотрел тебе в глаза, когда ты будешь душить его.

«Бедняга Винни...»

– Я все сделаю. Укажите только сроки.

– Указать сроки? – Гальяно развел руки в стороны. – Сегодня, завтра, на этой неделе. Мне все равно.

– Хорошо, босс.

Сантос развернулся и пошел было прочь, однако Гальяно окликнул его:

– Погоди, Сантос.

– Да?

– Не придуши по ошибке другого человека.

– Об этом не беспокойтесь.

– Как я могу не беспокоиться, болван, когда я не сказал тебе его имени!

– Винни, конечно.

– «Винни, конечно»? Да нет, не Винни! Тебе выпала честь последним посмотреть в глаза Марии Романо. Ступай, Сантос, – Гальяно взмахом руки отпустил его. – Ступай, я сказал!

* * *

Марии Романо в этом году исполнилось тридцать девять. У нее был богатый, как у голливудской знаменитости, дом. Но что он без детей, часто вздыхала она.

Мария встретила гостя тепло, лично накрыла стол на роскошной террасе, в которой, казалось, навсегда поселилось солнце.

– Ты ведь не просто в гости приехал?

– Я приехал засвидетельствовать свое почтение дону Романо, – ответил Сантос. Приехал он на двухдверном «Кадиллаке Эльдorado» вишневого цвета и припарковал его рядом с другим, современным и более элегантным «Кадиллаком-XLR» с откидным верхом, принадлежавшим Марии.

– Муж скоро спустится к нам, – медленно произнесла она, подразумевая, что «сползет он не скоро». И Сантос, кажется, понял ее.

– На днях вспомнил, как мы познакомились, – продолжил он, пригубив и похвалив вино. – Потом ты нарушила «устав»: дала рекомендации самому дону Гальяно.

– Законы для того и существуют, чтобы их нарушать. Ты тоже не святой, правда?

– Что верно, то верно. Вторая заповедь гласит: «Никогда не смотрите на жен друзей». Я до сих пор смотрю на тебя. *Il primo amore non si scorda mai*¹.

Мария не разучилась краснеть. Это при том, что ждала развязки. Просто так, в гости, семейные посыльные не приходят. И здесь женщина кривила душой: она знала причину...

И Мария не выдержала, бросив быстрый взгляд на лестницу: ей показалось, она слышит тяжелые шаги мужа.

– Зачем ты приехал? Говори, ну!

– Карло велел убить тебя. За что – я хочу знать причину. Изменила мужу?

Пауза, за время которой Мария выпила вина.

– Да, – наконец сказала она.

– Давно, недавно?

– Все вместе, если это имеет значение.

– Что это значит, мать твою, объясни!

– Всплыла моя связь с одним человеком. Мы встречались пять лет. И все эти годы... я содержала его.

– Вот дерьмо! – чуть слышно прошипел Сантос, мысленно представляя мускулистого альфонса. Подняв глаза на Марию, он спросил: – И что мне теперь делать?

– Для тебя главное – уложиться в срок. Я знаю обычаи семьи не хуже, а даже лучше, чем ты. У меня есть время? – с надеждой спросила она.

– Неделя, – с небольшой задержкой ответил Сантос. Он знал, что для Марии этот срок – целая вечность. Так получилось, что это он давал ей отсрочку.

Несколько лет Серджио Романо был подручным крестного отца, потом отказался от этой должности по причине болезни: он страдал мозговым атеросклерозом.

Когда Романо спустился на террасу (его комната находилась на втором этаже), Сантос заметил едва заметную улыбку на его губах, и взгляд его стал жестче. Теперь посыльному не требовалось доказательств: это Романо сдал боссу свою жену и ждал ее смерти.

– Здравствуй, Сантос, – приветствовал он гостя, как и остальные члены семьи, называя испанца по фамилии.

– Здравствуй, Серджио.

– Останешься на ночь?

– Одна блоха сну не помеха, – ответил гость итальянской поговоркой.

В эту ночь Сантос не сомкнул глаз. Под утро постучал в спальню Марии. Она открыла сразу. Глаза у нее были сухими, но в ее руке он заметил платок.

– Зачем ты пришел?

– Хочу кое-что сказать тебе.

Она пожала плечами: «Как хочешь». И присела на краешек кровати.

– Гальяно последние несколько месяцев косо смотрит на меня. Он стал старым, и ему все труднее скрывать свои чувства и настроение. Уверен, эта дохлятина и мне присмотрела кусок земли на кладбище. Мария, ты – последняя в моем послужном списке. Винни Подкидыш уберет меня по возвращении.

Он взял женщину за руку.

– О чем ты думала, когда...

Она перебила его:

– Все случилось быстро. Но ждала я этого долго. У Романо дистрофия не только нервных клеток головы. Альцгеймеровский синдром у него начался с члена. Я с ума сходила. Думала, только в кино бывает такое: у кого-то не было секса несколько лет...

– Ну да, и ты ни о чем не жалеешь.

¹ Первая любовь никогда не забывается (*итал.*).

– Наоборот: раскаивалась каждую минуту.
– Тебе нужно быть последовательной до конца: вслед за одной глупостью совершить другую.

– Говори, я слушаю.

– Нам надо бежать.

– Ты спятил, Сантос! Гальяно...

– Брось! Гальяно думает, что в мире нет таких мест, до которых не дотянулись бы его щупальца. Но он ошибается. Таких мест много. Лично я *выбрал*одно. Это остров в архипелаге Сокотра. Не перебивай меня. Я веду переписку с людьми, которые согласны дать мне прибежище. И они ни при каких условиях не выдадут меня ни Гальяно, ни официальным властям Америки.

– Кто же эти люди?

– Радикальные исламисты.

Мария по-мужски присвистнула и покрутила у виска пальцем.

– Ну о чем можно договориться с «любителями небоскребов»?

– Например, о поставках автопилота нового поколения, который самостоятельно выбирает не только здание, но и этаж, – сострил Сантос. – Но шутки в сторону. У меня есть план. Слушай.

Дар убеждать людей проявился в Сантосе во всей красе. Прошло всего четверть часа, а Мария уже начала собирать вещи в дорогу. Он помогал ей словами:

– В кассах аэропортов, авто- и железнодорожных вокзалах, в пунктах проката машин ты будешь предъявлять свой паспорт, оставляя следы. И только на Сокотре они оборвутся. К тому времени я «настигну» тебя и pošлю дону Гальяно факс: «Дело сделано». До нашего острова нам останется пройти всего-навсего сто пятьдесят миль.

Сантос не заметил, как в спальню вошел Серджио Романо. Он был в пижаме, в одной руке – спутниковый телефон, в другой – пистолет. Глянув сначала на жену с предательским румянцем на щеках, потом на Сантоса, он прошипел:

– Иуды!

Сантос бросил в него подушку в тот момент, когда Романо нажал на спусковой крючок. И сам бросился на него.

Романо был слаб и почти не сопротивлялся. Сантос отнес его в спальню и бросил на кровать. Громко позвал Марию.

– Принеси лекарства! Любые, которые он глотал последнее время.

Она вернулась через полминуты с коробкой и шприцами.

– Новейший препарат, – пояснила она хриплым голосом, боясь, что взгляд ее упадет на мужа. Замысел Сантоса не требовал каких-либо разъяснений: смерть Романо от передозировки должна указать на Марию как на убийцу. Сломанная шея или удушение укажут на Сантоса, а это означало сговор и полный провал. – Препарат, – повторила Мария, – он помогает клеткам мозга выжить.

– Поглядим, – бросил под нос Сантос, набирая в шприц первую дозу, – поглядим, прибавит ли оно ума дону Романо.

Он вколол ему восемь доз в два приема и вывел Марию из спальни.

– Иди к себе, – велел он ей. – Поторопись! У нас мало времени.

Когда он вернулся к постели, Серджио Романо был уже мертв.

– Он умер? – спросила Мария, когда Сантос перешагнул порог ее спальни. И, получив утвердительный ответ, прошептала короткую молитву.

Сантос набрал номер телефона аэропорта «Луи Армстронг» и передал трубку Марии. Она поздоровалась с оператором и спросила, есть ли возможность сегодня вылететь в Каир. Оператор ответил:

– Сегодня в 15.56 есть рейс в Каир с одной пересадкой в Лондоне. Время в пути – двадцать два часа. Я бы советовал вам вылететь этим рейсом, поскольку следующий – вылет в 20.08 – займет около полутора суток.

– Отлично! Забронируйте одно место на имя Марии Романо.

– Рейс ДЛ8771, вылет в 15.56, – напомнил оператор.

– Ну вот, ты все слышал, – обреченным голосом сказала Мария, повесив трубку. – Отступать некуда.

Сантос поцеловал ее в лоб.

– Пусть это событие станет одним из самых хороших в твоей жизни.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – слабо улыбнулась Мария. – Хорошее, что бывает с нами, мы записываем на песке, а плохое – высекаем в камне.

– Вот видишь...

Ему предстояло повторить маршрут Марии: сначала вылететь в Каир, оттуда – «Боинг-737» авиакомпании «Йемения» – в столицу Йемена Сану. И еще один перелет – на Соко-тру с его единственным аэропортом. Он четко представлял себе этот маршрут, поскольку созрел он у него в голове несколько месяцев назад, и тому предшествовал взгляд дона Гальяно: тот смотрел на посыльного, как на жертвенного ягненка.

Сантос дал ей сим-карту Verizon Wireless, на счету которой лежало около тысячи долларов.

– Позвони мне, когда прилетишь в Каир.

– Меня тревожит...

– Что именно?

– Ты не спросил имя моего любовника, как его найти.

– Я получил приказ убить тебя. Если я уберу твоего гаденыша, дон Гальяно тотчас отдаст приказ убрать меня с пометкой «срочно!» и примечанием «они в сговоре».

– Да, ты прав, – она дотронулась до головы. – Я плохо соображаю.

– Пора прощаться. До встречи на Сокоотре.

При этих словах у Марии земля ушла из-под ног.

* * *

Альваро Сантос не изменил своей привычке смотреть боссу прямо в глаза. Он моргал в такт резаным фразам Гальяно:

– Ты провалил дело. Ты не выполнил приказ. Ты...

– Босс, я все могу объяснить.

– Другое дело – нужны ли мне твои чертовы оправдания. Не тяни резину, – разрешил он.

В зеркале напротив Сантос видел двух человек: Винни Подкидыша и его нового помощника по имени Бруно. Бруно Масуччи в клане был седьмой водой на киселе, дальним родственником Гальяно со стороны отца. По большому счету, босс помог Бруно из милости. Скорее всего, тот день, в который он приласкал Бруно, пришелся на пятницу тринадцатого, в открытую зубоскалил Сантос. В такие дни Гальяно словно расцветал и раздавал такие вот подарки.

Они стояли в пяти шагах позади Сантоса. Вид у Подкидыша был такой, как будто он только что проснулся. Но он не спал уже в тот час, когда Сантос позвонил ему лично и сказал: «Винни, Романо мертв. Приезжай». Помнится, Подкидыш выдохнул в трубку: «Ох, ни хрена себе!»

Альваро Сантос говорил, представляя тот жестокий взгляд паралитика:

– Мы обедали на террасе, когда Серджио отослал Марию и спросил, как долго я задержусь у него. Я сказал, что останусь на ночь. Тогда он спросил в лоб: «Сколько Паук отпустил Марии?»

Карло Гальяно покивал. Паук – это лишь часть его прозвища – «Паук в замочной скважине». Он видел все, от него ничего нельзя было скрыть.

В это утро он был одет в спортивный костюм. Слушая посыльного, он покручивал кольцо на пальце.

– Итак, Романо спросил, сколько я отпустил Марии. Что ты ответил?

– Передал ему ваши слова: «Сегодня, завтра, через неделю». Серджио ответил: «Уедешь завтра утром. До завтрака». Скорее всего, Мария слышала наш разговор.

– И решила слинять, – вставил Винни.

– Тебя не спрашивают, кретин! – рявкнул Гальяно. И снова заострил свое внимание на посыльном. – Хочу услышать ответ от кретина номер два. Так что ты надеешься услышать от меня, Сантос? Что ваш дурацкий диалог с Романо все объясняет?

– То, что Мария жива, не ее заслуга, а моя недоработка. Дайте мне время исправить ошибку, босс.

Гальяно жестом перебил Сантоса и ответил на телефонный звонок. Выслушав абонента, он повесил трубку и возобновил разговор со своим посыльным.

– Значит, ты передал Романо мои слова. Что же, видно, в них скрыта какая-то сила: «Сегодня, завтра, через неделю».

– Я понял, босс. Неделя – это все, что мне нужно.

– Ступай.

Едва дверь за Сантосом закрылась, босс устремил свои паучьи глаза на Винни.

– Звонил Нико Ричи. Он обыскивал спальню Марии и нашел в шкафу дырявую подушку. Поковырявшись в ней, Нико отыскал пулю. Кто-то стрелял через подушку, чтобы заглушить звук выстрела.

– Только не Сантос, – решительно заявил Винни, как если бы вступался за друга. – Я знаю его, как себя. Если бы Сантос захотел заглушить звук выстрела, накрутил бы на ствол глушитель.

– Стрелял безмозглый Романо, – внес ясность Гальяно, пожевав губами. – Нико доложил, что на руках у него остались следы пороха. До выстрела или после – детали меня не интересуют, – но эти двое – Мария и Сантос – решили угрохать Романо. Вот что, Винни, с этой минуты не спускай с Сантоса глаз. Куда он, туда и ты. Только он знает кратчайший путь к Марии. Убьешь их, когда они встретятся. Не раньше и не позже, ты понял меня?

– Да, босс.

– Если бы я был психопатом, как Романо, я велел бы убить их во время оргазма. Вот что значит приласкать собаку: она испачкает тебе одежду. Ступай.

* * *

Капитан Эли Вермонт работал на клан Гальяно больше пятнадцати лет. Он тепло приветствовал Альваро Сантоса и провел его в свой офис; опустив жалюзи на двери, предложил гостю место за столом.

– Слышал, разгорается какой-то скандал в вашем семействе? Якобы вдова сбежала из дома, не дождавшись похорон мужа. Это горе на нее так подействовало?

– Когда закончишь спрашивать, просто нацарапай на бумаге, куда и каким рейсом самолета или автобуса она отправилась.

– Рейс ДЛ8771 Новый Орлеан – Каир. Уже в полете. Вылетел в 16.25, с опозданием в полчаса. Интересует еще что-нибудь?

– Нет, этого будет довольно.

Сантос попрощался с Вермонтом. На выходе из полицейского управления он задержался, прикуривая сигару. На этом этапе Альваро сделал все, чтобы его не заподозрили в сговоре. Тот же Эли подтвердит, что Сантос был у него и получил необходимую для поисков беглянки информацию. Другой вопрос, захочет ли Паук проконтролировать своего посыльного?.. Сантос был готов и к такому повороту событий.

* * *

Каир, Египет

Рейс ДЛ8771 совершил посадку в аэропорту Каира в 23.30 по местному времени. В Новом Орлеане было на восемь часов меньше. Мария, поменяв сим-карту, позвонила Сантосу, едва к самолету подали трап. Многочасовой полет так утомил ее, что она едва держалась на ногах.

Мыслями Мария была в Йемене, о котором имела только общие представления: древнейший очаг цивилизации, но и одна из беднейших арабских стран. А вот чего не могла себе представить, что столица Йемена (по легенде, основанная сыном библейского Ноя) нашла себе место на горном плато.

Она ступила на египетскую землю ровно в тот момент, когда Сантос наконец-то ответил.

– Ты? – спросила Мария, подавляя в себе желание оглянуться. Она многое бы отдала за то, чтобы Сантос оказался в этом огромном международном аэропорту в числе встречающих.

– Да, – сухо вато отозвался Альваро. Несколько мгновений, и он смягчил тон до полуплутивого: – Посадка была мягкой?

– Даже не заметила...

– Отлично! Тебе нужно взять билет на ближайший рейс до Саны.

– Да, я помню.

– Из Саны ты вылетишь на Сокотру.

* * *

Новый Орлеан

Винни Подкидыш вышел из полицейского участка и на пороге попрощался с Эли Вермонтом. Тот не преминул поддеть визитера:

– Я могу размножить информацию о беглянке и развесить объявления по городу. И вам, и мне проще будет.

– Проще будет, если ты заткнешься.

Винни сел в машину и прикурил сигарету. На языке вертелись названия: Йемен, Сана, Сокотра и еще какой-то остров, название которого все время ускользало от него. Он морщил лоб, вспоминая один из вечеров, когда Сантос с головой «окунул» его в географию. Это было около полугода тому назад. Они ужинали в ресторане «Лестница на небеса». Сантос завел разговор о «неизвестной земле» – Terra incognita. И дальше продолжил на латыни, немало удивив Винни: «Refugium peccatorum».

– Переведи, – рассмеялся Подкидыш.

– «Убежище для грешников».

– Кто такие эти грешники?

– Головорезы, бродяги, проходимцы. Они – составное ядро «отборного корпуса» современной наемной армии.

– Ну, это дураку понятно. А при чем тут «неизвестная земля»?

– Эта земля – остров в Аравийском море. Действительно убежище для грешников. На эту землю слетелись изгои и искатели приключений со всего света. По одним плачут жены, невесты и матери, по другим – скамьи и стулья. Обитатели острова – их немного, не больше шестидесяти – называют себя на французский лад – буканьерами. Так именовали бродячих охотников, промышлявших на Антильских островах. Они промышляют морским грабежом и отдают часть прибыли исламистам, таким островным губернаторам. Исламисты – хорошая крыша, если не сказать – лучшая.

– Лучшая для кого?

– Для тех, кто похожи на нас с тобой, Винни. Мы рождены между молотом и наковальней. Молот – это закон государства, наковальня – закон семьи.

– Или наоборот.

– Или наоборот, какая разница?

...Сейчас Винни посчитал откровения друга вызовом. Сантос словно предвидел вот этот момент, когда ударился в бега, и ухмылялся: «Попробуй дотянуться до меня! Руки коротки!»

Спустя месяцы Винни показалось, что во время того разговора Сантос мечтал вслух; глаза у него были... как у мальчишки. Такими глазами он смотрел на ворота базы спецподразделения в Специи.

Кто знает, может быть, Сантос сто раз пожалел о своих откровениях. Хотя как знать? Винни тогда не придал его словами особого значения, разве что отметил его чувства и настроение.

Подкидыш проклял свои извилины, походившие на улицы в час пик. И все же слово за словом вытащил тот вечер из памяти, как будто переместился во времени и пространстве, и оказался в «Лестнице на небеса». Он и Сантос ходили на рядовых американцев с их пресловутой мечтой... Сантос грезил Островом.

«Я охотник. Со своей командой брожу по морю, поджидая свой корабль. Идет время и щекочет нам нервы. Потому что ожидание – неотъемлемая и важная часть охоты, промысла. Ночь, обязательно ночь! – и наконец появляется он, низкобортный красавец. Команда готовится к атаке. На воду летят лодки, на тросах в них спускается абордажная группа. Ревут моторы, и лодки мчат навстречу жертве».

Радикальные исламисты. Протекция. А если начать сначала, то Йемен. Сокотра. Порселлис (он вспомнил наконец-то название острова). Пираты. Радикальные исламисты. Крыша. На Пиратском острове, что нашел себе место в самом сердце Аравийского моря, были созданы такие условия, при которых нападение на него грозило обернуться мировой катастрофой.

Винни катастрофически не хватало времени, тем не менее он выкроил полчаса и навел знакомого преподавателя в университете Лойолы. Он задал Йену Джефферсону несколько вопросов и получил ответы на них.

– Военные корабли иностранных государств не смогут напасть на Порселлис, потому что это территория суверенного государства, а следовательно, начало войны. – Джефферсон взял с полки брошюру и процитировал «Правила при следовании Заливом»: – «Судам следует избегать захода в территориальные воды Йемена – так требуют международные правила, а военные корабли не имеют права входить в территориальные воды Йемена для защиты судна даже тогда, когда судно атакуют».

Он вернул книжицу на место и продолжил:

– Так что даже блокада Порселлису не грозит. И ответ на этот вопрос заключается в сторонниках исламистов в силовых структурах страны и армии, которых особенно много в «Службе политической безопасности Йемена». Дело и в настрое йеменцев, – продолжал

Джефферсон, высокий, все еще стройный и седовласый мужчина. – Они зачастую едут в Ирак воевать против нас, американцев. А мы даже у берегов Йемена топим местных рыбаков, якобы принимая их лодки за пиратские. Так что Пиратский остров зародился не на пустом месте. Протекцию буканьерам давало не правительство, а радикальные исламисты, влияние которых в стране сохраняет стабильность. Пиратский остров – это ответ нам за беспредел по всему миру. Не сговариваясь, пираты Сомали и Йемена зажали судоходство с двух сторон. Пиратство в Сомали будет только крепнуть – из-за конфликта в этой стране, который продолжается с 1991 года. Там нет централизованного правительства, борьба за власть развернулась между переходным правительством и радикальными исламистами из группировок «Аш-Шабаб» и «Хизб-аль-Ислам». Эти группировки контролируют почти весь юг и центр Сомали. Их задача – введение строгих шариатских норм в стране. В Йемене, напротив, все спокойно, никаких конфликтов. Так что пиратство там – явление, скорее всего, временное. Но время обладает свойствами резины.

– Оно тянется, – вставил Винни.

– Да, – подтвердил Джефферсон. – И последнее, наверное: нападения пиратов с «востока» носят больше диверсионный характер, то есть отличаются четкой организованностью, планированием и, конечно, исполнением – как успешным и достойным завершением рейда.

– Можно сказать, что Остров – режимная зона? – спросил Винни, прощаясь с университетским политологом.

– Особая режимная зона.

Глава 2 Беглецы

Сана, Йемен

Самолет каирской авиакомпании приземлился в Сане с точностью до минуты: в 2.35. Мария Романо снова набрала номер Сантоса; если бы он и в этот раз спросил, как прошел полет, она бы не смогла ответить. Она отключилась по команде стюардессы «пристегнуть ремни» и очнулась от ее бодрого голоса: «Наш самолет совершит посадку в аэропорту «Эль-Рахаба» через десять минут. Аэропорт находится на высоте две тысячи двести метров над уровнем моря...» Эти минуты Мария потратила на то, чтобы привести себя в порядок.

В кассе аэропорта она, к своей радости, узнала, что теперь количество рейсов на Сокотру увеличилось на порядок, и первый отправлялся всего через полтора часа.

Когда она отошла от кассы, ее внимание привлекла полноватая женщина лет тридцати пяти.

– Здравствуйте, – поздоровалась она. – Летите на Сокотру?

– Только собираюсь, – ответила Мария, опустив приветствие. – Я могу вам помочь?

– Может быть. Нас двое, – женщина указала на тучного мужчину, одетого в стиле сафари: пробковый шлем, гетры, шорты, рубашка с короткими рукавами и множеством карманов. – Знаете, цена тура сильно зависит от количества человек. Оптимально – ехать втроем.

– Почему именно втроем? – Мария демонстративно посмотрела на свой «Ролекс»: немного золота и много точности. Она предположила, что эта пара подбирает себе любовный треугольник. Лично она не одобряла гомосексуальной привязанности, хотя фильм Бертолуччи «Мечтатели» об особенностях молодежной сексуальной культуры ей понравился и она смотрела его дважды.

– Разве вы не знаете?.. – снова вступила в разговор незнакомка.

– Не знаю чего?

– По острову передвигаются в основном на джипах. Вчетвером в том же «Лендкрузере» уже тесно, а втроем – в самый раз.

– Вы правы: вчетвером действительно будет тесно. На Сокотре меня будет встречать мой друг. Я как раз хотела позвонить ему. Извините.

Через минуту Мария снова услышала голос Альваро Сантоса. Он сообщил ей, что вылетает в Каир через два с половиной часа. Реально они смогут встретиться только спустя двое суток. И много, и мало, вздохнула Мария.

На глаза ей попался старик, который отдаленно напомнил Карло Гальяно, и она вспомнила подслушанный лет пять или шесть назад разговор между Гальяно и Винни Подкидышем. «Запомни, Винни: хорошо зафиксированная женщина в ласках не нуждается». На следующее утро в своей квартире была найдена мертвой дочь одного из адвокатов, работавших на семью. Тело ее было изуродовано до неузнаваемости, и она была *зафиксирована* на кровати, с которой предварительно был сброшен матрас. Винни Подкидыша можно было назвать последователем Гальяно: он отличался аккуратностью и четкостью. Мария не сомневалась: если бы на ее поиски Гальяно бросил Подкидыша с его небольшой бригадой, то... Ее вдруг передернуло. Она, боясь упустить нить мысли, набрала номер Сантоса. Едва раздался характерный щелчок, сопровождавший соединение, она спросила:

– Ты уверен, что за тобой нет хвоста?

– Положись на меня.

– Но...

– Отбой!

Он не захотел выслушать ее. И, наверное, он прав. Он мужчина. Того же Винни Альваро знает, как самого себя, а может быть, даже лучше. Друг – это пустое слово. Но его легко может наполнить ядом «Паук в замочной скважине».

Сантос для Марии уже сделал немало. Она сейчас не в Новом Орлеане, не в Америке – она в одной из арабских стран, а скоро окажется на самом ее краю. Какой он, этот остров, название которому дал голландский мастер морского пейзажа? Там любой берег граничит с небосклоном...

Сокотра. Третий, а точнее, четвертый по счету звонок Сантосу. Мария понадеялась на то, что встреча состоится в аэропорту, однако Сантос распорядился по-другому:

– Переночуешь в гостинице. Утром отправляйся на запад острова, в дайв-клуб «Тигровая акула». Он находится в полутора километрах от портового поселка Кайсох.

* * *

Бруно растолкал Винни Подкидыша ровно в тот момент, когда шасси самолета прекратили свой бег по взлетно-посадочной полосе аэропорта Саны.

Винни впервые оказался так далеко родины. Интересно, подумал он, что чувствует сейчас Бруно Масуччи? И спросил у него:

– Что для тебя Йемен?

– Не знаю. Подскажи ответ.

– Восточная сказка, может быть?

– Да, точно, – согласился Бруно.

– А для меня Йемен – расписной глиняный кувшин, в котором поселилось эхо муэдзина, призывающего к молитве... – Винни остановил проходящую мимо стюардессу: – Передай благодарность капитану.

– Хорошо, сэр!

– Ты не дослушала. Поблаговари его за то, что он при посадке не снес ни одного минарета: вот было бы визгу!

– Вы сможете передать ему это сами, сэр.

Подкидыш еще раз перелистал копии разрешений на перемещение по стране. Он ничего в них не понял, поскольку составлены они были на арабском языке. Винни переложил каждую сто долларовую купюрой, посчитав, что пропуск у него в кармане. Дело в том, что по дорогам этой страны иностранцы не могут передвигаться без вооруженного сопровождения: участились случаи похищений.

В зале прилета итальянцы оставались недолго.

Винни взял Бруно за пуговицу.

– Возьми с собой Фарино.

– Которого?

– Обоих. – Винни и забыл, что оба брата Фарино вместе с ним прилетели в Йемен. Один походил на солонку, другой на перечницу – и того и другого надо было трясти. – Займитесь билетами на Сокотру.

Перед отлетом из Штатов Подкидыш получил обнадеживающую информацию: теперь чартерные рейсы на Сокотру совершались и с военного аэродрома частной авиакомпании; самолет «Ан-24» обслуживали военные летчики.

– Да, Винни, – ответил Бруно.

– Вот и молодец. Я же займусь оружием.

Сана уже проснулась. Винни, сравнив страну с кувшином и поселившимся в нем эхом, столицу сопоставил с картиной, которую намалевал суперкубист: ни одного одинакового дома, двери, окна! Все разное.

В первой же подворотне этого городка авиаторов Подкидыш увидел обнадеживающую картину – этаким супермаркет, уместившийся на одном-единственном ковре. У Винни глаза разбежались от разнообразия товаров: набор фломастеров, крем для рук, строительные перчатки, цифровой фотоаппарат, суперклей, бумага для принтера, набор шпателей... И среди всего этого обилия ему не сразу в глаза бросился автомат, как будто он был частью коврового рисунка.

Винни перевел взгляд на продавца, сидевшего, скрестив ноги. Тот был вооружен кривым кинжалом, равно как и его сын, сорванец лет десяти. Одеты они были стандартно: длинные юбки и пиджаки. То же самое касалось всех йеменцев, которых Винни повстречал в этой части города.

– Такое чувство, – сказал он по-итальянски, чтобы торгош его не понял, – что горожан обшивает один портняжка. – Автомат, – Винни перешел на английский и указал на оружие, на всякий случай изобразил стрелка: его левая рука поддерживала воображаемое цевье. – Та-та-та!

– «Калаш», – гнилозубо улыбнулся араб.

– Вот-вот, – покивал Винни. – «Калаш». Возьму пару. – Он показал два пальца.

– Двести долларов и двести долларов – четыреста долларов, – подсчитал продавец на приличном английском. И перешел на арабский, отдав сыну какое-то распоряжение.

Тот юркнул в калитку. Вернулся он через минуту и, перехватив взгляд отца, передал автоматы Винни.

– То, что нужно, – обрадовался итальянец этой модели калибра 5,45.

Со сложенным прикладом «калашников» был не больше метра и с полным магазином весил три с половиной килограмма.

– Пистолет, купи пистолет, – услышал Подкидыш голос продавца. И не мог не откликнуться на его предложение. Он мысленно представил себя, стоящего над раненым Альваро Сантосом. Он что-то говорит ему и добывает одиночным выстрелом в голову.

Марка пистолета, которую ему предложил продавец, Винни была хорошо знакома. В каждом оружейном магазине в Америке можно было увидеть пистолет Макарова – он продавался как оружие самообороны.

– Возьму пару. Эй, – привлек он внимание продавца, – на твоей витрине есть дорожная сумка?

Очередное распоряжение уличного торговца – и мальчик принес сумку.

Винни подавил в себе желание заказать Альваро Сантоса...

На вокзальной площади он около часа дожидался Бруно и братьев Фарино. Когда они наконец-то появились, Подкидыш едва не скопировал с Людовика XIV: «Мне чуть было не пришлось дожидаться».

– На базе военного аэродрома функционирует частная авиакомпания, – докладывал Бруно. – Есть плановые рейсы, есть рейсы под заказ, но последние вдвое дороже. Вылет планового – через час. Нам нужно поторопиться.

Среди множества машин с шашечками они выбрали видавший виды «Форд Аэростар». Этот мини-вэн 1986 года выпуска мог вместить семь пассажиров.

Винни занял место переднего пассажира, положив сумку с оружием себе под ноги. Остальные разместились на задних сиденьях. Водитель лично закрыл за ними боковую дверь и, заняв место за рулем, тронул «Форд» с места.

Путь до аэродрома занял три четверти часа. Входом на летное поле служила брешь в бетонном ограждении, оборудованная, правда, шлагбаумом. Водитель остановился на просторной площадке. Получив от Бруно деньги, он поклонился и прошептал слова благодарности Аллаху.

Винни подошел вплотную к шлагбауму и глянул на летное поле. В первую очередь он обратил внимание на самолет, на котором ему предстоял очередной перелет. Это был «Ан-24», по классификации НАТО – «Кока». Винни изучал этот русский самолет на военной службе. Обычно экипаж составляет три человека, реже – шесть. Он мог взять на борт сорок восемь человек и «прокатить» их со скоростью четыреста сорок километров в час.

Помимо пассажирского «Ан-24» на аэродроме Винни не мог не заметить транспортный «Ан-12» с приподнятой задней частью и огромным грузовым люком, и «допотопный» «Ил-14», место которому было в музее. Боевые самолеты стояли, скорее всего, в ангарах.

Всего пассажиров на этот рейс набралось девятнадцать человек. Диспетчер – арабка лет тридцати с небольшим, с крючковатым носом, в газовой косынке – горячо завершила пассажиров, что рейс состоится при любых условиях.

Наконец она объявила посадку.

Винни лично нес сумку с оружием к самолету. Второй пилот стоял у раскрытого грузового отсека и руководил погрузкой багажа; в лучшем случае, он поправлял сумки так, чтобы они не помешали створкам отсека закрыться.

Винни сдал багаж последним, чтобы после приземления на Сокотре забрать багаж в числе первых.

Он вспомнил про книгу, которую ему дал Йен Джефферсон, и решил почитать ее. Немало удивился, когда узнал, что автор книги сам Джефферсон. Книга имела странноватое название: «Да. Терра инкогнита».

«В Карибском море к северо-востоку от Наветренного пролива есть скалистый островок, от северо-западного берега острова Гаити его отделяет пролив шириной всего четыре мили. Испанцы называют его «Остров черепаха»... Сначала Тортуга (ее открыл Христофор Колумб) служила убежищем для охотников-буканьеров с «Эспаньолы». Они построили поселок около гавани, сдавали жилье заезжим торговцам и подрабатывали морскими грабеджами. А после того, как в этом районе могущество Испании было подорвано голландскими флотилиями, из гавани Тортуги стали совершаться регулярные морские набеги. Они продолжались, несмотря на то, что остров подвергся нападению испанцев из Санто-Доминго.

В 1635 году Тортуга все же была ограблена испанцами, а через три года испанская флотилия истребила почти всех жителей... И еще тринадцать лет Тортуга была негласной столицей пиратства. Окончательно пиратские базы на острове были уничтожены только в 1713 году, когда Франция официально объявила пиратство вне закона.

Заселение Тортуги началось с того, что французы, основав колонию на острове Сен-Кристофер, снарядили несколько судов в поисках новых мест. На Тортуге в то время жили десять или двенадцать испанцев. Французы выгнали их с острова, а позже заложили там плантации».

Нет, это не криминальное чтиво, вздохнул Винни, закрывая книгу. Но содержание тех нескольких «исторических» строк, которые он успел прочитать, перекликалось с действительностью. У него сложилось стойкое чувство, что Сантос перелопатил массу подобной литературы, прежде чем у него созрел план бегства на современную Тортугу с современным губернатором-ислаμισмом.

* * *

Сокотра, Йемен

Самолет приземлился в аэропорту на главном острове Сокотры «по расписанию», о чем сообщил лично командир экипажа. Винни сошел с трапа и в первую очередь закурил – но не потому, что на борту был запрет на курение. Наоборот, он обкурился – потому что нервничал. Потому что голова работала на опережение и выдавала такие мысли: «Сантос и

Мария у меня в руках». Он не мог забыть слова босса: «Убьешь Сантоса и Марию, когда они встретятся». В любом другом случае Винни мог перешагнуть через табу Гальяно и убить их «по отдельности». Запрет – он и есть запрет, а в этом запрете было заложено и предостережение. Маленький шагок в сторону, и Винни окажется на обочине, в одном ряду с отступником. И дело не в весе вины каждого, а в том, что ни Винни, ни его армейский товарищ Сантос не имели права на смягчение своей вины. Это все равно, что украсть булку и ограбить банк, сравнил Винни.

Да, он много курил. Даже молчаливый Бруно Масуччи заметил: «Ты много куришь. Побереги сердце».

Винни не мог ответить по-другому: «Побереги зубы!»

..Передав сумку с оружием Бруно, Подкидыш направился к полицейскому, высокому и худощавому, с усталыми глазами.

– Говорите по-английски?

– Йес, – ответил полицейский по имени Азам.

– То, что нужно, – обронил Винни свою любимую присказку.

С видом главы многодетного семейства он открыл бумажник. За прозрачным пластиком одного из отделений хранилась фотография Сантоса, другое отделение топорщилось денежными купюрами.

– Это мой близкий родственник, – начал Винни. – Я многое бы дал за то, чтобы повидаться с ним. Он итальянец...

– Здесь много итальянцев. – Полицейский говорил на английском так бойко, что даже перебил Винни.

– Все же посмотрите снимок, – настоял тот.

Азам глянул на него мельком.

– Я не видел его. Может быть... – Он, окинув взглядом шеренгу водителей джипов, взял фотографию с изображением Альваро Сантоса и подошел к ним.

Вот первый из них покачал головой, второй, четвертый, подмечал Винни, потеряв надежду на то, что кто-то из шоферов встречал здесь Сантоса. Но когда полицейский, сняв головной убор, стал на ходу протирать его изнутри носовым платком, один из водителей окликнул его и что-то быстро заверещал на родном наречии и несколько раз кивнул, когда Азам поднес к его глазам снимок. А сам Винни обратил свой взор к небу и прошептал слова благодарности...

– Ваш близкий остановился в дайв-клубе «Тигровая акула», – сообщил Винни полицейский после того, как пообщался с водителем, причем беседа их длилась не меньше пяти минут. – «Тигровая акула», запомнили? Это там, – кивок головой в никуда.

Винни отсчитал пять стодолларовых купюр и передал их полицейскому. Тот взял деньги, глядя прямо перед собой, на «Ан-24», у трапа которого собрались члены экипажа и что-то обсуждали между собой. Он повернулся только тогда, когда за спиной у него заработал сначала один двигатель, потом другой. Проводив глазами вновь прибывших на Сокотру итальянцев, убрал деньги в карман.

* * *

– Что же, это недорогой костюм для дайвинга. Годится для всех теплых вод. Материал – лайкра. Австралийский стандарт – дает отличную защиту от солнца... и медуз. Он гибкий и комфортный.

– Вы производитель этого костюма?

Альваро Сантос обернулся. Его улыбка, тяжелый подбородок, седина на висках, мускулистые руки, его «сбалансированный» возраст наконец произвели на Сильвию Бонне силь-

ное впечатление. И последний, незначительный, как будто «рекламный» момент: еле уловимый блеск золотой коронки, достигший самого дна ее темных глаз.

– Меня зовут Анджело, – представился он на том языке, на котором и перечислил достоинства гидрокостюма, перебросив его через руку. – Извините, что взял эту вещь без спроса.

– Извинения приняты, – улыбнулась в ответ владелица «Тигровой акулы», также отвечая на своем родном французском. Но легко могла перейти на итальянский или испанский. Она назвала свое имя:

– Сильвия.

– Очень приятно.

Женщина пошла впереди – по мосткам, на которых и застала гостя. Мостки представляли собой плавучий мост, стоявший на якорях. Он был оборудован надстройкой, в которой хранились мини-электростанция, компрессор, тросы, масло и топливо для катера; также это легкое сооружение служило мастерской.

– Прилетели на Сокотру вчера или сегодня? – спросила Сильвия.

– Сегодня. Как вы угадали?

– По внешним признакам. У вас вид человека, который никуда не торопится. Значит, у вас впереди море времени. Анджело, вы из какой провинции Италии родом?

– Рагуза, Сицилия.

– Странно. Вы ответили сразу и не спросили, чем вызван мой интерес.

Сантос остановился, достал из кармана авторучку и что-то написал на пачке сигарет.

– Здесь ответ. Итак, Сильвия, чем же вызван ваш интерес?

– Ну... вы не очень-то похожи на итальянца.

Сантос дал ей прочесть то, что было написано на пачке:

«Моя бабка согрешила с испанцем».

Оба они рассмеялись.

Сильвия пригласила гостя в дом. Сантос не стал отказываться. Он расположился за плетеным столиком в правой, считая от моря, веранде этого бунгало. Сильвия подала сок, выставила на стол запотевшую бутылку водки, пояснив:

– Все холодное здесь – дефицит. Я лишь на пару-тройку часов включаю электростанцию – чтобы включить холодильник, набрать воду в душ, заправить баллоны, зарядить батарею ноутбука. Ночью зажигаю свечи. Странно, но именно здесь, где нет электричества, я по-настоящему научилась экономить.

– Вы надолго здесь застряли, Сильвия?

– Застряла? Верно, черт возьми, подмечено. Кстати, к черту церемонии; предлагаю перейти на «ты». – Женщина первой выпила водки и запила соком. Положив ногу на ногу, она продолжила: – Разочаровалась в этом острове. Рай, скажешь ты. Но без сотовой связи, электричества, водопровода – это ад. Я страшно соскучилась по нормальному туалету. Променяла бы на него все драконовы деревья, за которыми мне приходилось присесть. Однажды, в какой-то несчастный миг поняла, что надолго отрываться от цивилизации мне лично противопоказано. Я держала дайв-клуб на Мальте, но там совсем другое дело, правда?

– Что верно, то верно.

Она налила гостю еще водки, сама пропустила:

– У меня завтра тяжелый день. В турагентстве, с которым у меня договор, он имеет порядковый номер «2». Сокотра – это дикое место, согласись. Цивилизованное человечество только готовится его изнасиловать – в жестокой, извращенной форме. Пока что сюда стекается деревенщина со всего света: торгаши, предприниматели средней руки... Миллион драконовых деревьев вздрогнет, когда эти псевдолюбители природы врубят магнитолы. Они будут гадить в эти чистые воды, а потом рассказывать об этом в своих публичных дневниках. И ни словом не обмолвятся о том, что чокнутая Сильвия Бонне тралила акваторию, очищая

ее от бутылок, банок, презервативов... всякого дерьма, которое, как это широко известно, не тонет. Бескорыстные поступки вызывают зависть, – чуть тише добавила она. – Извини, я не спросила, как ты добрался сюда?

– Меня довез Грум на «Лендкрузере». Пляж, ужин в Хадибо, ночевка в отеле – это не для меня. Я рассчитаюсь с тобой, если ты разрешишь мне остаться у тебя на ночь.

– Смело, – покивала головой Сильвия. Она встала из-за стола. – Нужно включить электростанцию, набрать воды в душ.

– Я помогу тебе.

– Не часто приходится слышать такие слова. В основном я справляюсь одна, но часто принимаю помощь от местных жителей.

– Много их?

– Тридцать или сорок человек. Они появляются здесь, если им что-нибудь от меня нужно.

* * *

Мария не стала проявлять инициативу и осталась в своей комнате, которая окнами выходила во двор. Если бы Сантос захотел ее видеть, дал бы знать.

Она стояла у окна и смотрела через чуть приоткрытые пластины жалюзи, как сквозь неплотно сомкнутые ресницы. Мария с нетерпением ждала этой встречи и могла сказать, что она состоялась. Мешала ей эта женщина, которая встретила Марию вчера так тепло, как это бывает между близкими родственниками. Сантос улыбался ей; что именно он говорил Сильвии Бонне, Мария расслышать не могла. Может, отвечивал комплименты. Но так или иначе он играл с ней. Мария наблюдала прелюдию и, по-прежнему проявляя нетерпение, ждала основных событий. От накатившей волны адреналина ей стало трудно дышать...

* * *

По пути к причалу Сантос бросил взгляд на часы. Времени было в обрез. Этот Грум – чернокожий водитель джипа – несколько раз останавливался из-за проблем с зажиганием. Последний раз двигатель заглох, когда до дайв-клуба осталось проехать километр с небольшим. Альваро заплатил Груму и пошел пешком. Его путь лежал мимо поселка: не больше двадцати домов, но все они, что вызвало у Сантоса удивление, были добротными, настоящие бунгало.

Электростанция нашла себе место справа от двери. Бензиновая двухтактная, с полу-взгляда определил Сантос. Он имел дело с такими в армии. Небольшие, непритворные, они вырабатывали достаточно энергии, чтобы подключить к сети компрессор, подать освещение на понтон. Заводилась она при помощи ручного стартера. Только он на этой станции был снят. Так что, скорее всего, Сильвия заводила двигатель, намотав отрезок шнура на маховик.

Да, так оно и было. Сантос увидел капроновый шнур на клапанной крышке двигателя; на одной его стороне был завязан узел, чтобы шнур не соскочил с маховика во время рывка. Он взял его в руки, подергал, словно проверял, насколько он крепок. Поймал взгляд Сильвии, который расшифровывался легко: «Ну что же ты? Смелее!»

И он шагнул ей навстречу.

Его движения были быстры и необычайно точны. Скрещиванием рук он сложил шнур в кольцо и набросил его на шею Сильвии. Тут же шагнул ей за спину и, упершись коленом ей в спину, резко затянул концы. Сильвия не успела упасть на колени, а убийца успел «законтрить» первый узел вторым.

Сантос схватил задыхающуюся женщину под мышки и выволок из эллинга. Подвел ее к краю мостков и толкнул в воду. Все, теперь она его больше не интересовала. Через полминуты это будет просто труп, несколько десятков килограммов мяса. Сантос спрыгнул в кокпит катера и в первую очередь осмотрел мотор...

Осклизлая опора мостка была у Сильвии перед глазами. Она сделала попытку зацепиться за нее, но тут же снова вцепилась в веревку, которая не давала ей дышать. Горло стало опухать, веревка впивалась все сильнее. И в тот миг, когда Сильвия попыталась ухватиться за опору, уже не смогла высвободить из-под петли пальцы. Вода сомкнулась над ней. Ее широко раскрытые глаза различили черный силуэт мужчины. Но это было виденье из недалекого прошлого – Сантос в это время находился в лодке.

Он проверил уровень масла и закрыл крышку моторного отсека. Вытянул рукоятку газа и снова утопил ее до упора, проделал эту нехитрую операцию еще раз, подавая бензин в карбюратор. Включил зажигание и нажал на кнопку стартера. Двигатель завелся с полоборота. «Отлично», – бросил испанец под нос и глянул на показания приборов. Бензина было меньше чем полбака. Он быстро сориентировался: топливный бак находился на корме. Заправлять было удобно как из шланга, так и из канистры.

Топлива в сарае было в избытке. Он взял канистру, прихватил с собой воронку с мелкой сеткой; воды здесь – море, и даже несколько капель, попавшие в бак, могли привести двигатель к остановке. И он вспомнил незадачливого Грума.

Его Альваро заметил, едва ступил на землю этого архипелага. Он чуть задержался на коротком трапе, чем вызвал недовольство у молодой пары, прилетевшей вместе с ним с материка.

Группу туристов ждал небольшой автобус. Гид посчитала всех по головам и спросила, где еще один турист. Кто-то указал рукой на Сантоса, садящегося в джип. Он не стал ничего объяснять, от гида отмахнулся, как от мухи. «Поехали», – сказал он довольному Груму, и «деревенщина» во главе с чичероне скоро осталась далеко позади.

...Бак оказался вместительным. Сантос влил три канистры, еще пару поместил в специальный отсек и закрепил тросом.

Вернувшись в дом Сильвии Бонне, он сухо, как будто только утром расстался с ней, поздоровался с Марией.

– Найди сумку, – распорядился он, – сложи в нее еду, воду и отнеси в лодку. Жди меня в лодке. Оттуда ни ногой.

– А Сильвия...

– Тебе не о чем беспокоиться, – ответил Сантос.

Поигрывая желваками, он поставив турку на газ, потом... пожалел Сильвию: газовый баллон находился на кухне, небольшая утечка могла закончиться для нее печально.

Заметив на низкой кухонной тумбе ноутбук Сильвии, он убавил газ под туркой и включил компьютер. «Я лишь на пару часов включаю электростанцию», – вспомнились ему слова Сильвии; этого времени ей хватало на зарядку ноутбука, что показал индикатор зарядки батареи.

Ноутбук был подключен к сети через спутниковый телефон. Сантосу оставалось лишь активировать его в системе и запустить обозреватель. Он решил еще раз проверить электронную почту (последний раз он делал это на борту самолета в начале восьмого утра). Скорость соединения удручала. Но отступать было поздно: переадресация на его зашифрованную страницу уже началась. Сантос прикинул: к тому времени, когда она закончится, он успеет выпить кофе.

Он устроился за тем же столиком, за которым владелица дайв-клуба поделилась с ним сокровенным, тем, что хранила на поверхности души и боялась расплескать. Она сказала,

что рай и ад устроены по принципу соединяющихся сосудов. Впрочем, это он так интерпретировал ее слова.

Взгляд Сантоса упал на багажную сумку и мягкий кейс. Черт, он чуть не забыл о своем багаже.

Альваро расстегнул багажную сумку, в которой в разобранном состоянии находился австрийский пистолет «Глок-17», созданный по схеме «выхватил и стреляй». Разложив в ряд на столе все тридцать четыре части пистолета, в основном из полимера, Сантос собрал его. К этой марке, способной вести огонь из-под воды и в любом состоянии загрязненности, он питал особые симпатии.

Оставив пустую чашку на столе, Сантос вернулся на кухню, глянул на монитор. Он ожидал одного сообщения, но входящих на эту минуту не было. Что же, он, пользуясь случаем, сменит пароль. На странице учетной записи Альваро ввел старый пароль, а за ним – новый, подтвердив последний. Оставалось только дожидаться сообщения на другой почтовый ящик со ссылкой на подтверждение смены...

Через минуту Сантос понял, что зря затеял эту несложную процедуру, хотя у него и вошло в привычку менять пароли каждую неделю. Компьютер завис, а Сантос не успел корректно выйти из зашифрованной страницы. Значит, данные, которые он ввел с клавиатуры, реально могли стать доступны третьим лицам.

Сложив ноутбук так, словно собирался взять его с собой в дорогу, он размахнулся и разбил его о пол.

– Падла! Вот сволочь!

И вздрогнул – чего с ним не бывало лет двадцать, – когда услышал позади голос:

– Что это вы делаете?

На него смотрел мускулистый парень с раскосыми глазами. Его голову покрывала соломенная шляпа, такой отличительный признак местных жителей. Его акцент был ужасен, и любой другой понял бы его с трудом. Он обратился к Сантосу на том языке, на котором общался с хозяйкой этого дома.

Альваро дотянулся рукой до подставки с ножами и выбрал самый большой и тяжелый. Парень не думал отступать. Наоборот, он первым напал на противника.

В драке он был неплох, и его правый хук едва не достиг цели. Сантос вовремя уклонился и пустил нож, который он держал обычным хватом, в дело. В это время его вооруженная рука находилась точно под мышкой другой руки, и этот наполовину колющий, наполовину рассекающий удар мог оказаться роковым даже для подготовленного бойца. Рука описала дугу, и нож наполовину вошел в шею противника. Выдернув его, Сантос нанес такой же разящий удар с другой стороны. Толкнув парня ногой и переступив через него, он быстрым шагом вернулся на катер. Там он кивнул Марии: «Все нормально» – и завел двигатель. Прежде чем дать ему полный ход, он глянул на вечернее небо. Ночь в этих краях не подступала, она обрушивалась.

* * *

Винни Трователло, глядя на катер, выругался вслед Сантосу: «Счастливый ублюдок!» – и схватил водителя за грудки:

– Здесь есть еще моторка? Не спрашивай, какая и где, просто ответь, идиот!

– Да.

– А вот теперь скажи, где она.

– Там! – Он указал глазами, боясь пошевелиться. – Там туристическая база «Кэмп-Кью». Катер – он многоместный.

– Садись за руль! – приказал ему Винни и резко оттолкнул от себя.

Обе машины снова тронулись в путь. Винни молил бога только об одном: чтобы лодка оказалась скоростной. Пусть это будет одноместный скутер!..

* * *

Альваро Сантос перешел грань между риском и куражом, когда на высокой скорости прошел так близко от берега, что Винни, будь он поудачливей, мог изрешетить его из автомата.

Он ограничился лишь поворотом головы в сторону Винни и его боевиков, и этот жест был красноречивей любых слов: бросивший вызов самому Гальяно, он вышел на финишную прямую этого затяжного поединка.

Катер получил несколько пробоин, но все они, на взгляд Сантоса, были царапинами: находились выше условной ватерлинии.

Два джипа помчались вдоль берега, подскакивая на ухабах.

– Что они делают? – заглушая рокот мотора, выкрикнула Мария. – Пытаются догнать нас по берегу?

– Винни надеется на пробоины; надеется, что наш катер затонет.

– Держись подальше от берега, Сантос!

– Хорошо. – Однако внутренний голос ему подсказал: рано.

Пять минут гонки, и Сантос скрипнул зубами: сзади стали различимы очертания катера, и судя по его стремительным обводам, он был скоростным. Через минуту Альваро смог разглядеть его более отчетливо. И покачал головой: эта каркасная лодка с двумя подвесными моторами по скорости могла конкурировать со скутером.

– Плохо дело, – бросил он под нос.

* * *

Головной джип протаранил низкие хлипкие ворота кемпинга, которые не устояли бы и перед велосипедом, и остановился у края мостков. Водитель второго джипа, чтобы не вмазаться в зад второго, резко вывернул вправо. Сидящие у костра туристы чудом спаслись, рванув от машины через пламя. Мужчины в едином порыве вооружились тем чем: камнями, палками. Винни парой коротких очередей из автомата охладил пыл туристов и перелез через ветровое стекло на капот, откуда спрыгнул на мостки.

Бруно залез в лодку и проверил, сколько топлива было в баках. Выпрямился и жестом показал Винни, что баки под завязку: провел ладонью по горлу.

– Хватит для часовой погони, – вслух высчитал Винни. – С началом второго часа вылетись на берег исламистской базы. Показательная казнь гарантирована.

Отсалютовав туристам еще одной очередью из «калаша», он занял место за штурвалом и, дождавшись, когда Бруно отдаст швартов, дал катеру полные обороты.

* * *

Сантос не пожалел о том, что задержался, сопровождая джипы по воде. Зная наверняка расклад сил, он выжмет из «Ямахи» все. А для этого нужно избавиться от всего лишнего на борту.

– Стань за руль, – приказал он Марии. – Просто держи его крепко.

Когда он передавал управление катером женщине, их руки соприкоснулись. Сантос улыбнулся ей:

– Положись на меня.

Он обрезал якорную стропу у самой швартовой утки. Разместив тяжелый якорь на борту и смотав стропу в бухту, он, сделав скользящую петлю, ловко набросил ее на Марию. Резко повернув ее к себе, Сантос обронил:

– Спасибо.

Он сбросил Марию за борт. Но смотрел, как красиво разматывается стропа, сложенная им на стлани в виде эллипса. Последний виток, и натянувшаяся снасть буквально смела якорь с борта. Сантос равнодушно подумал о том, что Мария сможет продержаться на плаву, пока якорь не окажется точно под живым поплавком. Отчаянная борьба за жизнь подарит ей несколько мгновений...

Марию сдавила водяная пелена. Последнее, за что зацепилось ее сознание, – это шлейф воздушных пузырьков перед глазами...

Глава 3 Инцидент

Территориальные воды Йемена

Торговое судно «Мейер-11», шедшее под нидерландским флагом, готовилось вторгнуться в пиратоопасную зону, оставив на левом траверзе мыс Гвардафуй. Это место капитан «торговца» 42-летний Николай Светин называл воротами в Аденский залив.

Светин лично нес вахту, считая прохождение через «ворота» ответственным моментом, к тому же это обстоятельство пришлось на темное время суток. «Мейер-11» нес сигнальные огни, которые указывали другим судам, что это одиночное судно и оно движется.

Пиратоопасная зона. Новое слово. Новое словосочетание. Этим все было сказано.

Капитан Светин покачал головой и по радиации связался с центром «Африканский рог».

– Я – «Мейер-11», номер 1664, нахожусь 11 градусов северной широты, 53 градуса восточной долготы, следую маршрутом через Баб-эль-Мандебский пролив, – уверенно докладывал он по-английски. – Прошу указать безопасный маршрут прохождения Аденского залива.

– Принял, «Мейер-11». Я диспетчер центра «Африканский рог» Винс Паскоу.

– Ник Светин, – был вынужден назвать себя капитан.

– На данную минуту безопасный коридор для вас – между островами Порселлис и Самха.

Капитан, включив свет над штурманским столом, нашел их на карте. Порселлис – 12°11' северной широты и 52°14' восточной долготы, Самха лежал тридцатью милями восточнее. Порселлис был больше и назван в честь Яна Порселлиса, голландского живописца, основоположника голландского реалистического морского пейзажа. Кто именно и как давно назвал так этот остров, но название прижилось, а старое забылось.

– Это территориальные воды Йемена, – напомнил капитан диспетчеру. – А на Порселлисе есть небольшой военный гарнизон.

– Держитесь западнее острова – там территориальные воды пиратов. И никаких военных гарнизонов. Слушай, приятель, – Винс Паскоу перешел на доверительный тон, – сейчас у нас нет средств мониторить тебя на этом этапе. Можешь лечь в дрейф и дожидаться русского фрегата.

– Долго его дожидаться?

– Сейчас посчитаю... Часов шесть.

– Долго, – приободрившийся было капитан сник. – Время – деньги. Я, пожалуй, последую твоему совету.

– Это рекомендации, приятель. Я тут по твоему номеру смотрю – ты не зарегистрирован в нашем центре морской безопасности. Это означает, что ты отказался от защиты ВМС и ВМФ Евросоюза.

– Обычно я не ем то, что мне вешают на уши.

– Что, прости?

– А то. Я сделал все, чтобы попасть под еврозащиту: связался с центром «Африканский рог», сообщил свой номер, координаты, маршрут, услышал твой голос, Винс. Так что пусть ваши военные корабли и вертолеты мониторят меня. Гуд лак!

– Да, и тебе удачи! Бай-бай!

Видно, обстановка серьезная по самое не балуйся, рассуждал Светин. Последнее время маршруты пролегли впритирку к архипелагу Сокотра, восточнее или западнее его. И вот – дождались.

Он старался придерживаться правил центра «Африканский рог» (MSCHOA), который рекомендовал «спланировать поход так, чтобы прохождение наиболее опасных участков пришлось на ночное время; как показывает практика, ночь – наиболее безопасное время». Что противоречило статистике и тактике пиратов, которые предпочитали нападать именно ночью. Также центр рекомендовал обеспечить закрытие доступа и контроль над судном в надстройке, на мостике, в машинном отделении, жилых помещениях экипажа. Убедиться, что с бортов ничего не свисает, от трапов до концов и шлангов. Если надводный борт низкий, попытаться нарастить планширы так, чтобы крючья и «кошки» не смогли за них зацепиться. Использование ночной оптики в ночное и вечернее время приветствовалось. Равно как и следовать только в пределах коридора безопасности, руководствуясь извещениями и рекомендациями центра.

Одна из таких памяток висела в рубке. Светин оглянулся и прочитал: «Не забывать о тактике пиратов – *подход к судну с кормовых углов или с левого борта*. При обнаружении пиратов рекомендуется устроить как можно больше шума – огнями, сиреной, активностью экипажа, – чтобы показать им, что они обнаружены, а судно готово к отражению атаки. А вот если пираты высадились на судно, то (Светин читал с выражением, как страшную сказку на ночь) прежде чем они доберутся до мостика, успеть предупредить центр и, если есть время, компанию-судовладельца. С пиратами необходимо вести себя спокойно и выполнять все их требования. В случае вмешательства военных...»

Буквально сегодня днем раздраженный Светин «своими словами» проинструктировал экипаж: «Если на нас нападут, а потом появятся эти долбаные военные, падайте на палубу, руки держите за головой, в руках ничего не должно быть! Будут спрашивать – отвечайте на все вопросы».

Светин проложил на карте новый маршрут, и корабль пошел этим курсом.

Огни горели непрерывно и были настроены так, что при любом маневре судна всегда видны или топовые, или кормовые огни, но вместе – никогда.

– Капитан!

– Да? Что случилось?

Светин подошел к рулевому. Тот показал вперед:

– Красный огонь справа по курсу.

– Вижу. – Капитан взял в руки бинокль. Курс «Мейера-11» пересекала «маломерка» с огнями в одном фонаре, и сейчас она показывала свой левый борт. Катер скоростной, анализировал капитан, провожая его взглядом. Несется к берегу Порселлиса на всех парах. Еще несколько мгновений, и можно будет увидеть его кормовой огонь. И признаться себе, что опасность миновала?

Капитан Светин, отвечая на свой собственный вопрос, покачал головой: он ни разу не слышал о том, чтобы скоростные пиратские катера выставляли судовые огни; вот разве что врубали фары – чтобы ухудшить видимость своей жертве или просто стать помехой для наблюдения. Однако огни на этом катере не могли стать помехой: видимость его топовых огней не дотягивала даже до одной морской мили, прикинул Светин. Это у самоходных судов огни «били» больше чем на четыре.

Неподалеку отсюда, с западной стороны Порселлиса, он же Пиратский остров, в прошлом году пираты захватили ледовый буксир. За буксиром следовало другое аналогичное судно, оно первым получило сигнал тревоги с «флагмана». «Мейер-11» шел в порт назначения в одиночку. Но даже если бы за ним следовали «Мейер-12» и «Мейер-13», он не мог рассчитывать на полноценную помощь.

Светин был знаком и с циркулярами Международной морской организации, которые советуют в случае нападения «развить максимальную скорость и совершать резкие маневры» – для того чтобы поднять крутую волну. Это понятно. И вот сейчас Светин, про-

должая наблюдать за катером, несшимся в сторону Порселлиса, представил невероятное: он так круто заложил штурвал, что «крутая волна» перевернула катер. Другое дело – струи воды из пожарных брандспойтов. Остальное в циркулярах морской организации было из области ненаучной фантастики. Ну, какой нормальный судовладелец установит по периметру бортов судна электрическую ограду, «поражающую пиратов сильным, но не смертельным ударом тока»?

И как бы капитан Светин скептически ни относился к международным циркулярам, одно из предписаний («не использовать огнестрельное оружие») он нарушил. На борту «Мейера-11» находилась пара дробовиков «Моссберг-500». Он не очень хорошо разобрался в оружии. Главным критерием для выбора именно этого вида оружия стала пресловутая оценка «цена-качество». «Моссберг» был достаточно надежным и недорогим. К минусам этого помпового гладкоствольного ружья относилась и такая мелочь, как люфты в конструкции, и как результат – характерный звук «клак-клак» при перезарядке. Этот звук преследовал капитана и по ночам, когда свободные от вахты матросы клацали затвором, отражая виртуальные нападения пиратов.

– Капитан!

– Вижу!

Светин заиграл желваками. В бинокль он увидел резкий маневр катера: тот поменял курс и показывал теперь свой правый борт. Но длилось это мгновения. Теперь впереди по курсу были видны оба бортовых огня. Столкновения не избежать, если одно из судов не изменит своего курса.

Бинокль в руках Светина дрогнул, когда он увидел второй катер. И оба они неслись на «Мейер-11».

– Право на борт!

Одновременно с этой командой капитан включил сирену, поднимая на ноги экипаж судна.

Рулевой быстро переложил руль.

Судно накренилось. Угол поворота составил восьмую часть круга.

– Удерживай!

– Есть!

– Так держать!

Рулевой автоматически заметил по компасу курс, на котором лежало судно, и доложил:

– На румбе сорок шесть.

– Оставляй катера все время слева.

– Есть!

Этот маневр позволял даже такому медлительному судну, как «Мейер», двигаться по кругу, оставляя нападавших в его центре. Рано или поздно пираты сократят расстояние, но потеряют главное преимущество: внезапность. «Считай, уже потеряли, – скрипнул зубами Светин. – Вот тебе и безопасная зона! Вот тебе и территориальные воды Йемена!» Он горько пожалел о том, что связался с этим чертовым центром безопасности.

На ходовой мостик поднялся радист. Светин предупредил его:

– Пока на нас не напали, передавать ничего не надо.

– Понял. – Радист вернулся на свое место, в любое мгновение готовый «отморзиться» тремя точками, тремя тире и снова тремя точками, передавая международный сигнал бедствия.

Рука капитана лежала на кнопке системы оповещения о захвате судна террористами, когда на мостике показался боцман.

– Заводи пожарные шланги на левый борт, готовься дать в них воду.

– Есть!

– Что же это за пираты такие? – недоумевал капитан. Оба катера по-прежнему шли под ходовыми огнями, не пытаясь замаскировать курс, равно как и свои намерения.

Впрочем, с последним выводом капитан поспешил. Он не потерял надежду на то, что катера промчатся мимо. Пересекли же они курс «Мейера» дважды!

Он выругался.

Рулевой, получивший указания капитана, самостоятельно менял курс и докладывал:

– На румбе 80... 90...

Он начал описывать круг, чтобы оставить катера в его центре. Но поскольку те продолжали сближаться с судном, окружность все больше трансформировалась в спираль, и в конечной точке контакта было не избежать.

Еще немного, подумал капитан, и судно возьмет обратный курс.

* * *

Альваро Сантос выругался: собака не носится за своим хвостом так, как этот «торговец»! Он буквально пытался укунить себя за корму, зараза! Выворачивался наизнанку. Невежливо, что эта морская калоша успешно сопротивлялась маневренному скоростному катеру. Но это даже к лучшему: не придется втолковывать прописные истины капитану этого судна.

Сантос был вынужден обогнуть «Мейер» сзади. Лодку подбросило на волне, а потом она попала в широкий и спокойный кильватер. Он повернул рулевое колесо, когда его лодка с этой «стоячей лужи» взлетела на бурун. Дифферент на корму сменился крутым креном на левый борт, и Сантос с трудом удержался за пультом управления. Он выровнял катер, добавил газу. Включил прожектор, установленный на мачте. И почти сразу же увидел свисающий с борта веревочный трап. Для Альваро это была лестница, сброшенная ему с неба рукой самого Господа... В знак благодарности набожный Сантос поцеловал перстень с печаткой.

Но рано, рано принимать этот дар: слишком очевиден будет его ход преследователям. Только бы моряки «Мейера» не подняли трап! Только бы Винни со своими головорезами не заметил его!

* * *

– Право на борт!

– Есть!

Капитан решил повторить маневр, который в этой ситуации можно было назвать успешным, а дальше «схитрить»: рулевой по его команде и дальше будет переключать руль, это вместо того, чтобы поставить его прямо. Это собьет бандитов с толку.

Второй катер оказался на расстоянии полкабельтова от «Мейера».

– Ну, давай, вали мимо! – нервно бросал под нос Светин.

Он только теперь смог рассмотреть его и был удивлен одному факту: тот нес на себе ходовые огни парусного судна, но так же, как и первый, в одном фонаре. «Это что, маскировка, что ли, такая?»

Капитан покинул ходовой мостик. Как раз в эту секунду слева по борту показался первый катер. Его качнуло на волне, и картинка в бинокле скакнула. Но капитан мог дать голову на отсечение, что сумел рассмотреть в лодке всего одного человека – за штурвалом. Пират-одиночка?

* * *

Сантос обогнал судно на целый кабельтов, с запасом, часто оглядываясь назад, – и пока удача не отвернулась от него: катер Винни повторял его маршрут и к этому моменту достиг середины корпуса «Мейера».

Отлично!

Сантос вытянул рукоятку газа до половины, сбавляя обороты двигателя, и резко повернул рулевое колесо. Левый разворот с последующим набором скорости получился на загляденье.

Он утопил ручку газа до упора, и лодка стрелой помчалась вдоль борта. Но курс не был прямым – этому мешал повторный маневр судна: рулевой снова переложил штурвал, и снова судно понеслось за своим хвостом. Теперь Сантос не мог точно определить, мешали ему действия «Мейера» или, наоборот, помогали.

Альваро пришлось доворачивать руль, чтобы идти как можно ближе к борту, и дальше изменять направление. Он представил себе сходную ситуацию на суше, когда фура, поворачивая направо, прижимает легковушку к обочине... Но только здесь, на море, у Сантоса с правого борта лежал безбрежный простор.

Снова его катер вылетел на разреженный винтом судна кильватер. Он обернулся. Ему важно было знать расстояние до катера Винни. Если тот разгадает его маневр, то может отдать команду развернуться и двинуться навстречу. Так поступил бы сам Альваро Сантос, опытный мореход и морской пехотинец.

Но нет: в свете бортовых огней «торговца» он увидел катер Винни, не теряя времени, добавил оборотов двигателю и повернул рулевое колесо. Катер резко развернулся и понесся вдоль борта «Мейера».

* * *

Второй катер представлял собой скоростное судно RIB-900 с двумя подвесными моторами. Эта надувная лодка с жестким каркасом развивала скорость почти в сорок узлов. В отличие от катера номер 1 (его тип капитан Светин определил «стандартно» – служебно-разъездной) на борту «девятисотки» был «аншлаг» и двое, по крайней мере, вооружены.

* * *

Сантос еще не видел веревочного трапа, но, представляя его на прежнем месте, четко расписал свои действия. Он шел на неоправданный риск: ошибка в доли секунды и несколько сантиметров – и ему конец. Впрочем, ему по-любому конец, если преследователи добьются своего – приблизятся к нему на расстояние прицельного выстрела.

«Приготовиться!» – отдал себе команду Сантос.

Он отпустил одну руку от рулевого колеса, левую ногу поставил на борт катера. И смотрел только вперед, на покачивающийся в свете фары веревочный трап. В одно мгновение он уложил рожденную экспромтом связку. Левую руку согнул так, чтобы продеть ее между двумя перекладинами трапа; правой ногой, которой он пока твердо стоял на фанерной стлани, ему предстояло дожать до упора рукоятку газа. И все это должно случиться в тот момент, когда его рука замкнется на трапе, на средних оборотах двигателя. На полном ходу «вдаться», как нитка в иголку, в трап – означало остаться без руки.

Это была последняя осознанная мысль Альваро Сантоса.

Миг – и его вышвырнуло из лодки. Как он успел надавить коленом на рукоятку газа – было непонятно. Но лодка, взревев мотором, понеслась вдоль борта.

Его швырнуло на борт раз, другой, третий, как язык о колокол. Он ухватился за перекладину другой рукой, со второго раза попал ногой на нижнюю перекладину. Подтянулся на руках, нащупал ногой другую ступеньку. Перебирая руками и ногами, поднялся до уровня верхней палубы. Ухватившись руками за планшир, перевалился через борт. И замер, привалившись спиной к ограждению палубы. Неимоверным усилием заставил себя подняться и с высоты фальшборта посмотреть, что происходило внизу (а что происходило здесь, на корабле, он оценить пока был не в силах).

Его катер, судя по всему, несколько раз ударился левым бортом в борт «торговца», и последнее соприкосновение изменило его направление: он уносился курсом 30 градусов. «Удача», – шевельнулись непослушные, пересохшие губы Сантоса.

Но настроение его скоро поменялось: катер уходил *с включенным прожектором*. В этом плане беглец больше походил на преследователя. И Сантос, поставив себя на место командира загонщиков, тут же представил себе блесну, наживку и понял: *его водят за нос*.

Да, включенная фара – его ошибка. Страстное желание жить заставило его ошибиться.

Но с другой стороны, на борту катера с преследователями не было второго такого, как Альваро Сантос. Не факт, что Винни, проходивший службу на плавбазе, заподозрит подвох.

* * *

RIB-900, круто повернув, вышел на очередную прямую. Винни скрипнул зубами: «Если Сантос снова повернет, продолжая игру в кошки-мышки, я порву его зубами!»

Он озвучил первую часть обещания:

– Если он снова повернет – разворачивайся!

Рулевой в свою очередь перекричал рев двигателя:

– Есть, понял!

Катер качнуло на волне, и он едва не вмазался в борт судна. Винни уклонился от болтавшегося на ветру трапа. Успел подумать о том, что, будь трап металлическим и приваренным к борту, ему бы снесло полчерепа.

Но что делает этот недоносок, удивился Винни. Катер Сантоса потерял управление и походил на громадный светляк. Но только бился он не в оконное стекло, а в борт морского торгового судна. Ударился в него раз, другой... и только третий контакт с кораблем изменил его курс: он помчался в северо-восточном направлении, отрываясь от гарантированного укрытия, которым ему успешно служил этот «Мейер-11»: мешал кошке поймать мышку. Причем Сантос мог бы пользоваться предоставленной возможностью до тех пор, пока его топливные баки не высохнут. Он опытный моряк и должен отчетливо понимать: преследователи, привязанные к одному средству передвижения, не смогут разбиться в ночи на две группы. И в продолжение этой мысли Винни поднял глаза на бортовые огни судна, проносившиеся перед его глазами. «Вот разве что забросить полкоманды на борт «Мейера»... Тогда Сантосу точно конец. Это клещи. Правда, со своеобразным прикусом, сделал уточнение Винни.

* * *

Подкидыш недолго сомневался в умственных способностях Сантоса: тот развернул катер и помчался под защиту «Мейера»... А сердце самого Сантоса замерло в груди. Он при всем желании не мог зафиксировать штурвал, разве что оставить на нем свою руку... Но и ее

он сейчас был готов отдать за то, чтобы его катер шел прямым курсом: минуя Порселлис – на мыс Гвардафуй, на Остров, лежащий в противоположном направлении... даже ко дну. Но катер словно прокляли, и он, шлепая реданами по волнам, снова шел против курса торгового судна.

Он возвращается...

Это хором могли сказать сразу три человека: Альваро Сантос, Винсент Трователло и капитан Николай Светин. Но только один обрадовался этому факту, и этим человеком был Винни. Пусть и неправильный прикус у клещей, подумал он, но они крепко зажмут Сантоса. Не спуская глаз с его катера, он выдал короткий приказ остановиться своему рулевому:

– Стоп!

Рулевой моментально исполнил команду Винни, сбрасывая газ. И другую тоже: сдать назад. Хотя не понимал, зачем это нужно.

– Держись ближе к борту!

Это означало «держаться ближе к борту судна», на котором сыграли команду «полундра», и отзвуки сирены, поднявшей экипаж на ноги, все еще стояли в ушах рулевого.

В это время «Ямаха» Сантоса пересекла курс торгового судна и скрылась из поля зрения Винни. Она мчалась прямо, больше не меняя курса, как если бы на рулевом колесе лежала рука Альваро.

– Стоп, стоп, стоп! – несколько раз выкрикнул Винни, ухватившись за трап.

* * *

Сантос вынул автоматический пистолет и передернул затвор. Ему приходилось считаться с Винни, который в два счета раскусит его замысел.

Команда «Мейера-11» приготовилась отражать нападение с правого борта. Боцман отдал распоряжение, и матросы перенесли пожарные рукава с левого борта на правый – с трудом, поскольку в них уже дали воду и они находились под давлением, оставалось только открыть краны. Вооруженный дробовиком боцман неосторожно перегнулся через борт и тотчас отпрянул: снизу раздалась автоматные очереди.

Теперь ни у кого не вызывало сомнений в том, что на судно напали пираты.

Несколько пуль срикошетировали от металлического леера и разбили лампы по краям ходового мостика.

– Право на борт! – выкрикнул Светин, вползая на мостик на четвереньках. И встретился взглядом с радистом: – ОтSOSывай!

В эфир полетели поднадоевшие в этих местах сигналы бедствия: радиотелеграфный и голосовой:

– Мэйдей, Мэйдей, Мэйдей! Я – «Мейер-11». Атакован пиратами!..

Он передавал сигналы бедствия на специально выделенной частоте 156,8 мегагерц, которую морские спасательные службы и службы управления воздушным движением прослушивают постоянно. «Даже если они не подтвердят прием, – думал капитан, – то любой, кто его слышал, обязан повторить его».

Рулевой в очередной раз переложил штурвал, чтобы максимально препятствовать абордажу. Но если на судно полетели абордажные крючья, то этот маневр бесполезен.

– Капитан, капитан! – позвал он Светина. – Смотрите туда!

У того округлились глаза, когда он посмотрел в указанном направлении. Катер, которому капитан присвоил номер 1, пересек курс «Мейера» и, похоже, в этот раз менять его не собирался: скорость у него была сумасшедшая, как у скутера. Светин направил на него бинокль и... тряхнул головой. Он ничего не понимал. Свет от фонаря на его мачте проникал буквально в каждый уголок. На борту никого не было.

«Что за черт?!»

Спина капитана покрылась инеем.

Он ничего не понимал. И впервые усомнился в пиратском нападении. Но тогда что это? И кто сейчас начал штурмовать судно с правого борта, обстреливая обороняющийся экипаж? Новички, что ли?

Одна из очередей прозвучала отчетливо. Капитан вздрогнул: они уже на борту.

* * *

Сантос оставался в тени фальшборта, пока на него не уставился гидрант, походивший на слюнявую пасть собаки. Рука матроса задрожала на кране, и он не смог его открыть, только смотрел во все глаза на незнакомца, вооруженного пистолетом.

– Чао! – поздоровался с ним Сантос, поиграв глазами. – Нои компаньо.

«Мы компаньоны». Матрос понял эту фразу на итальянском, как если бы незнакомец произнес ее по-русски. И доказал это на деле. Переведя взгляд с матроса на подоспевшего боцмана, он просунул вооруженную руку в палубный шпигат и нажал на спусковой крючок пистолета. В ответ раздались две или три автоматные очереди.

– Руки! – Боцман прицелился в Сантоса. – Подними руки, или я вышибу тебе мозги!

Альваро понял его так же хорошо, как понял его мгновениями раньше русский матрос. Он хотел было показать, что нужно сделать для обороны – обрезать веревочный трап, но боцман, чуть приподняв ствол, выстрелил.

Палубный шпигат послужил для штурмующих амбразурой. Бруно Масуччи нажал на спусковой крючок и опустошил половину магазина. Ступенькой ниже пристроился сам Винни Подкидыш. Он также удачно отстрелял в этот просвет от палубы до фальшборта. Два матроса, удерживающие пожарный шланг, упали. От удара о палубу кран открылся, и вода хлынула из него неуправляемым потоком. Шланг метался по палубе, сметая тех, кто не успел упасть на пол. Винни объявил это своим звездным часом и подтолкнул Бруно:

– Давай, вперед, болван! Чего ждешь, мать твою?

Громадный, под два метра, Бруно взметнулся над бортом, как гимнаст. Приземлившись, он припал на одно колено и прицелился в боцмана. Он не заметил Сантоса, слившегося с вертикальной стойкой под уклон, а тот не упустил своего шанса и наотмашь ударил Бруно ребром ладони в шею. Голова Бруно упала на грудь, как если бы удар пришелся по затылку. Сантос выхватил у него из рук автомат и, крикнув боцману: «Падай, падай!» – сам отстрелял в шпигат.

Винни не зря назвал этот отрезок своим звездным часом. Перемахни он через борт мгновением позже, его старый приятель нашпиговал бы его свинцом. А так он успел переложить «калаш» из правой в левую и, едва его ноги коснулись палубы, открыл огонь. В первую очередь он уложил боцмана с дробовиком, во вторую – разобрался наконец-то с Сантосом: очередь в плечо, и Сантос выпустил свое оружие из рук.

Винни едва увернулся от струи воды и уже на правах хозяина выкрикнул:

– Да выключите, к чертовой матери, эту воду!

Один за другим на борт поднялись еще два человека. Винни оставил Сантоса под прищотром братьев Фарино, а сам поднялся на мостик. И не дал капитану и слова сказать, выставив ладонь:

– Надеюсь, по-английски вы понимаете.

– Да, конечно.

– Отлично. На этом языке я рекомендую, а на итальянском – приказываю. Так вот, меня не интересует ни ваш груз, ни вы сами. Стойте тут и не вмешивайтесь в мои дела. Выключите сирену, отключите насосы. Что вы обычно делаете, когда ложитесь в дрейф?

– Ночью?

– Ага, ночью, – подтвердил Винни таким тоном, словно хотел сказать: «Ну, до утра-то я здесь точно не задержусь». – Можете не отвечать, просто делайте свое дело. Смелее! Если бы я хотел вас убить, вы были бы уже мертвы.

Винни ловко спустился по металлическому трапу. Вслед ему прозвучала команда капитана:

– Включить стояночные огни!

Тотчас вспыхнули белый и красные круговые огни, бортовые тоже поменяли цвет на белый. Это произошло раньше, чем рулевой, выполняя приказ капитана, лег в дрейф.

Сколько себя помнил, Винни всегда обращался к товарищу по фамилии – может, раз или два назвал его Альваро. Вот и сейчас он, присев перед истекающим кровью, бросил:

– Сантос, Сантос... Ну куда бы ты делся? Скрылся бы на Острове, куда ты так торопился? Но это только маленькая часть суши, окруженная водой. – Винни показал кончик мизинца и повторил: – Очень маленькая часть... У тебя знатная фамилия. Твой тезка Сальваторе был боссом мексиканской «Беты». Но даже он, упокой, Господи, его душу, – Винни наигранно поднял глаза к небу, – не дал бы за тебя и цента. А теперь скажи мне, где Мария?

– Я высадил ее.

– Что ты сказал?

– Она сошла.

– Она сошла? – «Господи, да он утопил ее», – пронизала Винни страшная догадка. Вот почему скорость его катера увеличилась...

– Это ты сошел с ума, Винни, – прохрипел Сантос. – Если бы я отлучился на час, вы бы всполошились. А Мария дала мне повод добраться до пункта назначения.

Подкидыш понял оригинальный ход Сантоса, который взял за основу доверчивость Марии: она убегает, а он преследует ее, и у него, чтобы уйти на Остров, развязаны руки. У него алиби, его не ищут люди Гальяно (его долг – всегда находиться в распоряжении босса, «даже если ваша жена вот-вот родит»). Он ушел бы и без нее – он планировал «переход» через две недели или через два месяца, но случай помог ему. И это была действительно удача.

Подкидыш покивал, соглашаясь с товарищем:

– Да, приятель, ты добрался до конечной остановки.

Винни Трвателло поднялся на ноги и неторопливо перезарядил оружие. Улыбнулся, что-то вспоминая.

– Ты проиграл наш давний спор. Если я через минуту дам клятву никого больше не убивать, то все равно на одного человека я убил больше, чем ты. Прощай, Сантос!

Винни переменился в лице, когда стрелял в товарища – это заметил очухавшийся от удара Бруно, стоящий к нему вполборота: с таким выражением лица не стреляют даже в бешеных собак. Он мысленно перекрестился.

– Бросьте его за борт.

С этими словами Винни перелез через ограждение и начал спускаться по веревочному трапу. На середине его он задержался, и снова его губы тронула улыбка. Он еще раз по достоинству оценил оригинальный ход Сантоса. Если бы Винни не заметил трапа, то погнался бы за «летучим голландцем». Но как долго водил бы его по морю пустой катер – ответа на этот вопрос не было.

Он занял место рядом с рулевым в тот момент, когда за кормой раздался всплеск: это Бруно Масуччи с товарищем выбросили за борт тело Альваро Сантоса. Конечно, надо было привязать к его ногам что-нибудь тяжелое, чтобы он пошел ко дну, но и так сойдет.

* * *

– Надеюсь, они не вернуться...

Капитан Светин не смог бы ответить на вопрос, повезло ли его команде сегодня. Натурально, повезло – отделались тяжелым испугом и легкими ранениями. Пираты отбуксировали бы судно в одну из многочисленных бухт на побережье, где удерживали захваченные суда месяцами.

Ему еще предстояло выяснить, кто из экипажа оставил висеть на борту веревочный трап – капитан даже не знал, кто именно выполнял его вчерашнее распоряжение «закрасить ржавчину», это бельмо над ватерлинией, – а пока Светин решал, что делать с трупом Сантоса. Он бился о борт, словно просился на палубу, и в груди капитана начала рождаться странная, вызывающая жуть жалость к покойникам, стучавшимся в двери...

Он принял решение, когда перед его мысленным взором предстало гневное лицо владельца судна – Роса Менсинга. Происшествие на корабле не скроешь – тут и сигналы о помощи, и стрельба, и раненые... А труп Сантоса мог послужить вещественным доказательством.

Он поделился своими соображениями со штурманом. Тот согласно покивал:

– Да, как вещдок он сойдет. Можно сфоткать его со всех сторон, и чтобы детали нашего корабля попали в кадр, а потом выбросить его за борт.

– Раз уж мы подыдем его, то выкидывать не будем.

Согласно приказу Минморфлота «О мерах по обеспечению безопасности мореплавания» капитан обязан был доложить о происшествии в службу безопасности флота. И чем скорее он сделает это, тем будет лучше для всех.

Как хорошо, что в этом современном мире есть такая реальная вещь, как цифровой фотоаппарат, как не поддающаяся определению Всемирная паутина. К докладу, составленному в электронном виде, Светин прикрепил несколько файлов – снимки трупа, первой страницы его паспорта, найденного при нем, и (на всякий случай) последствия нападения: снимки раненых матросов, следы от пуль на палубе, разбитые лампы.

Глава 4 «Криминальное чтение»

Москва

Адмирал Артур Осипян отличался артистичностью. Особенно ярко это проявлялось в его характерном произношении. Кто-то из коллег назвал его язык «звучащим».

В эту минуту он разговаривал по телефону с шефом управления заграничного флота Александром Тищенко и пока усвоил следующее: торговое судно с российским экипажем было атаковано в районе острова Порселлис. По сути дела, начальник разведки флота принимал «информацию о текущих событиях», поскольку нападения пиратов на торговые суда перешли в разряд постоянных и не вызывали удивления ни у профессионалов в области мореходства, ни у обывателя.

Осипян был высоким, чуть сутуловатым. Себя он называл «четвертым адмиралом-армянином», ведя отсчет от Лазаря Серебрякова – Казара Арцатагорцяна.

Придерживая телефонную трубку плечом, он сложил печатный лист бумаги вчетверо и по стигам разделил его. Ткнув в клавишу селекторной связи с приемной, дождался адъютанта и жестами выговорил тому: «Почему у меня нет бумаги для записок?» Помощник подошел к рабочему столу шефа и развернул современный офисный органайзер, нижнее отделение которого было забито бумагой формата идентификационной карты.

Осипян не мог привыкнуть к этой «приспособе», призванной экономить место на рабочем столе. Он вполголоса выговорил адъютанту:

– Письменные принадлежности должны быть у меня перед глазами, ясно? Если я не вижу бланка на столе, это значит, что его на столе нет. Забери-ка эту «рулетку» и верни мне мою конторку.

– Слушаюсь.

Адмирал возобновил разговор с коллегой из торгфлота.

– Одну секунду, я не понял: вооруженное нападение на судно имело место?

– Да, Артур Суменович, – ответил Тищенко. Он несколько лет проработал под началом Осипяна, когда тот возглавлял разведку Тихоокеанского флота. – Есть раненые среди моряков, судну нанесен незначительный – это я цитирую капитана Светина – ущерб.

– Кто судовладелец?

– Рос Менсинг, голландец. Фрахтователь – текстильная фирма в Гонконге.

– «Мундир английский, погон российский, табак японский, правитель омский».

– Что?

– Тоже цитирую – про адмирала Колчака.

Артур Осипян сейчас не хотел затрагивать запутанную порой тему под общим названием «Фрахтовый покер и его неписанные правила». Цели у нанимателей и судовладельцев разные: одни надеются получить максимум услуг за минимальную плату, другие – максимальную оплату за минимум услуг.

– Тебе не кажется, что морское судоходство обмелело?

– В каком смысле?

– Ладно, не напрягайся. Никто не сможет ответить на этот вопрос – ни ты, ни ваш Рос Менсинг, *голландец*, – акцентировал адмирал. – Давай сделаем так: ты перешлешь мне копию донесения Светина и все вложенные в него файлы. Как если бы это донесение предназначалось мне. А то, что ты мне предлагаешь, – это эскимо в песке.

– Или котлета в мухах.

– Это твои слова. Но мне понравились другие: «мафиозные разборки на море», – про- явил адмирал свое актерское произношение. – Вот видишь, я уже начал анализировать в этом направлении. В общем, жди моего звонка. Удачи!

Адмирал в этот раз побеспокоил адъютанта, выйдя в приемную. Делано удивился, бро- сив взгляд на хронометр:

– Скоро вставать.

– И мне вместе с вами, – попенял ему помощник.

Он глянул на экран монитора, отреагировав на сигнал о новом принятом сообщении, и озвучил тему послания:

– «Мафиозные разборки на море». Плюс восемь вложенных файлов.

– Распечатай эту драму в восьми частях – и ко мне на стол. И принеси кофе.

Адмирал нечасто засиживался допоздна. Он планировал уйти в отпуск через неделю. Жена вместе с внучкой уехала в Ванадзор еще вчера вечером. Так что адмирал, сжигая время на работе, мысленно был в самом красивом месте на земле...

Он родился в Аштараке, одном из древнейших городов Армении, раскинувшись на обоих берегах реки Касак. Их соединяли два моста – новый и трехарочный старый, распо- ложенный выше по течению реки. По старому движение прекратилось, и он отошел в ранг исторического памятника. Осипян представил, как прохаживается по мосту от одного ска- листого берега к другому с бутылкой местного хереса...

Адъютант принес распечатки рапорта и снимков. Осипян, включив настольную лампу, жестом отослал помощника, прочел первые строки служебного сообщения...

Начальнику управления А. Тищенко

Лично

Светин

«Мейер-11», 12° 10' ВД.

11 ноября 2008 г. в 23.20, находясь на капитанском мостике, получил доклад от рулевого А. Манарского о пересечении курса «Мейера-11» маломерным судном – курс 270 на скорости 30–35 узлов. В 23.22 катер изменил курс дважды... В 22.23 на расстоянии 3 кабельтовых со стороны архипелага появился еще один катер, и оба они создали опасную ситуацию столкновения с «Мейером». Мною это было расценено как нападение пиратов. Были приняты меры по предотвращению нападения: включена сирена, раскатаны и наполнены водой пожарные рукава... экипаж вооружился баграми и топорами. Рулевой получил приказ маневрировать на предельно допустимой скорости, что также должно было затруднить доступ пиратов на судно.

В 23.27 – катер номер 1 обошел «Мейер» с кормы, визуально был установлен его тип – служебно-разъездной (далее – СР), и что на его борту один человек. Минутой спустя его маршрут повторил второй катер – RIB-900, и стало ясно, что он преследовал СР. 23.29 – СР обошел «Мейер» во второй раз и взял направление на восток. Как оказалось, рулевой СР использовал веревочный трап, оставленный командой после покрасочных работ, и по нему поднялся на борт. Он первым открыл огонь из автоматического оружия по преследователям, которые тоже поднялись на борт по трапу. Они открыли ответный огонь и ранили трех матросов – М. Агеева, С. Марычева, И. Случевского; также ранение получил неизвестный с СР. Угрожая команде судна огнестрельным оружием, нападавшие установили над ним контроль.

Старший этой группы поднялся на капитанский мостик, приказал лечь в дрейф, что и было выполнено нашей стороной. Он обращался на английском; также сказал, что говорит на итальянском, но лишь в приказном тоне.

Он спустился на палубу. О чем-то переговорил на итальянском языке с раненым беглецом, дважды назвав его Сантосом, после чего застрелил его. Жестом приказал своим людям сбросить тело в воду. Дальше нападавшие спустились в катер и взяли курс на юго-восток.

Труп неизвестного прибило к борту. Мною было принято решение поднять труп на борт и поместить в трюм. Боцман доложил мне, что Сантос обращался к нему тоже на итальянском: поприветствовал и сказал, что теперь они – компаньоны.

Предполагаю дрейфовать до 02.30, вплоть до выхода в нейтральные воды, после чего продолжить плавание.

Осипян отложил «криминальное чтиво». Происшествие на «Мейере-11», описанное капитаном Светиным, кроме как странным, назвать было нельзя. Действительно странно, рассуждал адмирал, пощипывая по привычке мочку уха, что у входа в Аденский залив, словно стиснутый с двух сторон Сомали и Йеменом, где хозяйничали сомалийские пираты, часть которых совершала нападения на морские суда под контролем исламистских группировок, некая итальянская группировка сводит счеты с человеком по имени Сантос. Может быть, это внутриклановые разборки? Не исключено. Но почему сам акт отплаты произошел так далеко от сферы интересов итальянской мафии?

Сантос... Кто из итальянских мафиози носит испанскую фамилию – вопрос общий. В коза ностра насчитывается порядка пяти тысяч активных членов, десятки тысяч являются ее сторонниками. Калабрийская ндрагетта – одна из самых влиятельных преступных организаций в мире – насчитывает полторы сотни групп и шесть тысяч боевиков. Есть еще неаполитанская «Каморра» – сто одиннадцать семей и семь тысяч членов. «Сакра Корона Унита» – сорок семь семей и полторы тысячи человек...

Сотни семей и десятки тысяч членов. Но круг поисков Сантоса существенно сужался: вряд ли он – рядовой член. Слишком роскошную погоню за ним устроили. Если бы он умер своей смертью, похороны его были бы не менее пышными, сравнил Осипян.

Сергей Говоров, которому адмирал собрался позвонить по телефону, – капитан 1-го ранга в отставке, занимал должность главного редактора журнала «История обороны» и был автором ряда редакторских статей, посвященных в том числе итальянской мафии. Собственно, отдельно взятая статья представляла собой вокабулярий: автор раскрывал смысл этимологии, истории мафии, структуры «семьи», «заповедей» и так далее.

Осипян набрал номер телефона Говорова. Два, три длинных гудка...

– Алло?

– Здравствуй, Сергей! – поздоровался с ним адмирал. – Осипян такой тебя беспокоит. Знаешь, понадеялся, что ты за те полгода, что мы не виделись, не превратился в жаворонка.

– Превращаюсь в вампира. Здравствуй, Артур!

– Здравствуй, здравствуй! Стало быть, по ночам по-прежнему не спишь... К делу. Помню, ты серьезно изучал тему «Каморры».

– Да, верно.

– Скажи, распространяется ли сфера интересов итальянской мафии на Сомали, Джибути, Йемен?

– Насколько я знаю, нет.

– Значит, нет... – протянул адмирал, явно не удовлетворенный таким ответом.

– Не вижу предпосылок к этому. Опять же, есть чисто итальянские сообщества, а есть итало-американские и итало-русские. Есть «иные этнические сообщества», но там отдельные семьи: японская якудза, китайская триада, колумбийские картели, болгарская и нигерийская мафии, армянская мафия... Алло?

– Да, я слушаю, – подал голос Осипян.

– Не знаю, годится тебе или нет, но «армянский спрут» запустил свои щупальца в Северную и Южную Америку, Азию, Африку, Австралию...

– Короче, ты скорее поверишь в существование армяно-сомалийской мафии, чем итало-сомалийской.

– Точно! – обрадовался Говоров. – Чем вызван твой интерес, можно узнать?

– Ответь еще на такой вопрос. Членами семьи могут быть только чистокровные итальянцы?

– А в сицилийских семьях – чистокровные сицилийцы, – подтвердил Говоров. – Другими участниками группировки могут быть только белые католики. Но случались и исключения из правил.

– Об этом я и хотел спросить.

– Спрашивай, конечно.

– Не слышал ли ты про итальянскую группировку, в которой фигурировал бы человек с испанской фамилией Сантос?

– Новоорлеанская коска, – отрезал редактор. – А Сантоса зовут Альваро, не так ли?

Наступила пауза. Правда, короткая. Первым молчание нарушил Говоров:

– Выпиши мне пропуск в штаб, я немедленно приеду.

– Ты сказал мне, что превращаешься в вампира, – попробовал было отказать другу адмирал. Вот только сейчас он почувствовал, как его плечи и шея наливаются свинцом, глаза начало пощипывать от усталости...

– Мы обменяемся информацией, – настаивал Говоров. – Уверен, мне есть чем поделиться. – И выложил последний аргумент: – Я собирал на Сантоса материал в течение нескольких лет, собрался писать о нем книгу.

– Вот как?

– Его судьба показалась мне интересной.

– Тогда я подскажу тебе финальные строки: «Альваро Сантос, член новоорлеанской мафиозной группировки, был убит на борту торгового суда «Мейер-11» 11 ноября 2008 года, когда до полуночи оставалось всего двадцать пять минут...»

Еще одна пауза.

– Выпиши мне пропуск.

* * *

Говоров приехал в штаб через полчаса. Осипян тепло встретил флотского товарища. Приглашая его занять место за низким, сервированным коньяком и фруктами столиком, он вспомнил, что на Тихоокеанском флоте Говорова прозвали Испанцем. И только теперь, по прошествии стольких лет, он поинтересовался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.